

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-11

Роль стран «Сахельской пятерки» в политико-военной стратегии ФРГ в Африке

Филипп Олегович ТРУНОВ

кандидат политических наук, старший научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 117997,
ул. Кржижановского, д. 15, стр. 2, Москва, Российская Федерация
E-mail: 1trunov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7092-4864

ЦИТИРОВАНИЕ: Трунов Ф.О. (2020) Роль стран «Сахельской пятерки» в политико-военной стратегии ФРГ в Африке // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 3. С. 196–213.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-11

Статья поступила в редакцию 16.03.2020.

АННОТАЦИЯ. В статье поднимается вопрос о том, является ли участие ФРГ в урегулировании вооруженного конфликта в Мали частным кейсом или отправной фазой выстраивания новой политико-военной стратегии Германии в Африке. В данной связи исследуются основные параметры применения бундесвера на континенте в 1990-е – середине 2010-х гг. Подчеркивается важность сомалийского направления, раскрываются «узкие места» военных усилий, прилагаемых здесь ФРГ, и их детерминированность. В сопоставлении с Сомали изучается германская линия по урегулированию конфликта в Мали на первом (2013–2015 гг.) и втором (с 2016 г.) этапах ее развития. Раскрываются особенности и промежуточные результаты использования бундесвера в составе миссий EUTM Mali и MINUSMA. Показывается резкий рост объемов военного присутствия Германии в Мали с середины 2010-х гг., выделяются основные причины этой тенденции. Исследует-

ся «эффект переплескивания» от усилий ФРГ на малийском направлении в странах Северной Африки (на примере Алжира) и государствах «Сахельской пятерки» в целом. Особое внимание уделяется развитию и перспективам двусторонних отношений ФРГ с Буркина-Фасо и Нигером. В статье обращено внимание на концентрацию усилий Германии к началу 2020-х гг. в частях Африки, относимых к зоне традиционного влияния Франции. Делается вывод о значимости Сахельского региона как площадки для отработки новой политико-военной стратегии Германии в Африке, и дается характеристика ее черт.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Германия, безопасность, Африка, Мали, Сахель, Буркина-Фасо, Нигер, Алжир

Во второй половине 2010-х гг. малийское направление, наряду с афганским, стало самым масштабным (по совокупной сумме контингентов бун-

десвера в составе двух миссий – EUTM Mali и MINUSMA [Anzahl 2020]) – вектором использования германских военных вне зоны ответственности НАТО. Этот фактор на фоне весьма вероятного свертывания военного присутствия ФРГ в Центральной Азии (в рамках реализации договоренностей с «Талибаном» (2020 г.)) и имеющихся ограниченных масштабов применения бундесвера на Ближнем Востоке, в т. ч. в Сирии и Ираке (см.: [Anzahl 2020]), заставляет задуматься об «африканизации» политико-военной стратегии ФРГ – применительно к той ее части, что реализуется за пределами Евроатлантического сообщества. Соответственно, возникает вопрос: является ли масштабное участие Германии в урегулировании вооруженного конфликта в Мали значимым, но и все же частным кейсом или это отправная составляющая качественно новой линии ФРГ на использование своего политико-военного инструментария в Африке? Найти ответ возможно, лишь изучив динамику политико-военных взаимоотношений официального Берлина не только с Мали, но и странами «Сахельской пятерки» «G5 Sahel» (Буркина-Фасо, Мавритания, Мали, Нигер, Чад) в целом в контексте усилий ФРГ по обеспечению мира и безопасности на африканском континенте в 1990–2010-е гг.¹

Задача данной статьи – изучить роль группы стран G5 Sahel в политико-военной² линии ФРГ в Африке на современном этапе. Основные методы исследования – сравнительный и инвент-анализ, особенно при сопостав-

лении форм, «узких мест» и масштабов использования бундесвера в Сомали и Мали, а также изучении диверсификации отношений ФРГ с государствами G5 Sahel к началу 2020-х гг.

При рассмотрении «малийского вопроса» и в целом вопросов обеспечения безопасности в Сахеле отечественные исследователи обычно основное внимание уделяют Франции [Мезенцев 2014; Сидоров 2018; Чернега 2018] – традиционному и весьма влиятельному военному игроку в регионе и Африке в целом, оставляя растущую активность Германии «в тени». В свою очередь, в исследованиях специалистов из ФРГ данная тематика освещена несоизмеримо подробнее; однако следует отметить присущий им недостаток: срез обстановки в основном осуществляется или на страновом (Мали) [Hanish 2015; Tull 2019], или континентальном (Африка в целом) уровнях, т. е. с пропуском детального изучения регионального (G5 Sahel, Западная Африка, а также Северная Африка).

Германия и урегулирование вооруженных конфликтов в Африке в 1990-е – середине 2010-х гг.: поиск точек приложения усилий

Для современной стратегической линии ФРГ в политико-военной области характерно постепенное увеличение удельного веса африканского вектора. Развертывание германских войск в Африке осуществлялось в рамках

1 В ходе «классической» холодной войны ФРГ (Боннская республика) в принципе не использовала свои вооруженные силы в Африке, будучи в военном плане полностью сконцентрирована на участии в противостоянии Запад – Восток в Европе.

2 В данной статье автор использует термин «политико-военные» вместо традиционного «военно-политические», поскольку первый более точно отражает иерархию общеполитических и собственных военных задач для линии государств на мировой арене.

участия официального Бонна/Берлина в урегулировании вооруженных конфликтов, причем этот процесс ФРГ стала осуществлять практически сразу после объединения – уже с 1992–1993 гг. [The Bundeswehr on Operations 2009, pp. 52–53]. До середины 1990-х гг. географически зоны применения бундесвера были разбросаны по всему континенту (Сомали, Руанда), отражая стремление в условиях «эйфории от объединения» обозначить свою дееспособность как военного игрока на глобальном уровне. Напротив, во второй половине 1990-х гг. наблюдалось временное свертывание рассматриваемой активности. Это объяснялось провалом использования бундесвера в операции UNOSOM II в Сомали (контингент досрочно выведен в 1994 г.) (см.: [The Bundeswehr on Operations 2009, p. 53]), фокусированием максимального внимания на балканском направлении вкупе с осознанием роста числа внутренних проблем, вызванных «поглощением» бывшей ГДР.

В 2000-е – начале 2010-х гг. вновь наблюдался широкий географический разброс зон использования бундесвера на континенте: в Центральной Африке (Демократическая Республика Конго), в северной ее части (Судан) и Африканском Роге (Эфиопия и, прежде всего, Сомали и прилегающие акватории). Подавляющее большинство миссий бундесвера, разворачиваемых на континенте в конце XX – начале XXI вв., были небольшими по объему (задействованные контингенты не превышали 100–150 военнослужащих), продолжительности (большинство продолжалось от недель до нескольких месяцев) (см.: [The Bundeswehr on Operations

2009, pp. 53, 55, 56–57, 96–103]), а также по своему военному и, что более важно, политическому значению. Германские подразделения использовались в основном для обеспечения логистической (в частности, наведения военно-транспортной авиацией «воздушных мостов» для срочной эвакуации мирного населения из зон боевых действий) и санитарной поддержки операций, проводимых партнерами по ООН, ЕС, а также Африканскому союзу (АС). Иными словами, бундесвер использовался в целях «разгрузки» их военных контингентов, играющих существенно более масштабную роль в урегулировании, чем он сам. Достигая тактических результатов (предотвращение гуманитарных катастроф (Сомали, Руанда), обеспечение проведения выборов (ДРК)), действия ФРГ в целом не обеспечивали (и вряд ли могли этого сделать с учетом изложенных количественных параметров) существенного перелома в деле стабилизации обстановки в странах Африки.

С точки зрения параметров участия Германии в урегулировании исключение из перечисленного ряда составлял лишь вооруженный конфликт в Сомали. Несмотря на первоначальную (1992–1994 гг.) неудачу, с начала XXI в. Германия стала активно использовать свой военный инвентарий на этом направлении. Он применялся при проведении военно-морских операций Enduring Freedom³ (германское участие в ней в 2001–2013 гг.) и EU NAVFOR ATALANTA (под эгидой ЕС с 2008 г., для борьбы с пиратством), осуществляемых в акваториях Аденского залива и прибрежных водах Сомали. В тесной связи с последней под эгидой

3 Операция Enduring Freedom («Несокрушимая свобода»), проводимая США и их партнерами по I западной антитеррористической коалиции, осуществлялась не только в Аденском заливе, но также в Афганистане (основной вектор), Филиппинах, Западной Сахаре и в Панкисском ущелье (Грузия).

ЕС были развернуты еще две тренировочные миссии: военная EUTM Somalia (участие ФРГ в 2010–2018 гг.), предназначенная для обучения правительственных (официального Могадишо) войск, и гражданская EUCAP NESTOR (Германия принимала участие в ее комплектовании в 2012–2018 гг.), которая была ответственна за подготовку сил охраны побережья. В этой связи показательно две основные черты использования ФРГ военно-политического инструментария на сомалийском направлении:

1. Колоссальная диспропорция в объемах морского применения бундесвера («потолок» германского контингента в составе миссии EU NAVFOR ATALANTA был первоначально установлен в 1 400 военнослужащих [Antrag 2008, р. 2]) и наземного (аналогичный показатель для EUTM Somalia составлял лишь 20 офицеров и солдат [Antrag...Drucksache 18/7556 2016, р. 2], т. е. де-юре в 70 раз (!) меньше). Будучи производной принципа стратегической сдержанности во внешней политике ФРГ, эта разница отчетливо иллюстрировала неготовность официального Берлина масштабно использовать свой военный потенциал в глубине территории Сомали для обеспечения мира и безопасности.
2. Свертывание даже отмеченного небольшого по объему военного присутствия к 2019 г., т. е. частичный выход из процесса решения «сомалийского вопроса», при том что значительная часть партнеров ФРГ по ЕС продолжили в нем участие.

Чем были вызваны эти особенности? Учетом неудачного опыта 1992–1994 гг., когда бундесвер развернул зна-

чительное наземное присутствие, помноженное на сложности обеспечения интеграции Сомалиленда и (в меньшей степени) Пунтленда в состав единого Сомали, а также трудности полного разгрома террористической группировки «Аш-Шабаб». Международными усилиями при участии ФРГ были обеспечены определенные тактические успехи: существенное уменьшение объемов пиратства, нанесение поражения силам «Аш-Шабаб» в увязке с постепенным восстановлением института легитимной власти и ее сил безопасности (прежде всего армии). Однако отмеченные решения официального Берлина показывают, что по состоянию на начало 2020-х гг. ФРГ считала маловероятным перерастание в обозримой перспективе этих тактических результатов в успех стратегического характера, т. е. переход Сомали к состоянию постконфликтного стабильного развития. Соответственно, в 2000–2010-е гг. Германия де-факто двигалась по пути купирования, т. е. лишь частичного решения проблем безопасности в зоне Африканского Рога.

Возникает еще один вопрос: почему именно это направление было избрано фокусным при использовании военного инструментария в начале XXI в.? Безусловно, группировка «Аш-Шабаб», особенно с учетом использования возможностей сомалийской диаспоры в самой ФРГ, несла определенную угрозу ее безопасности. Однако следует признать эту угрозу меньшей по масштабу, чем те, что исходили из расположенных существенно ближе к ЕС Ливии, где после 2011 г. произошло обрушение государственной власти, или Сирии, где также с 2011 г. развернулась гражданская война, – территории обеих этих стран к середине 2010-х гг. временно превратились в «рассадники» международного терроризма. При этом бундесвер стал ис-

пользоваться на сирийском направлении лишь с декабря 2015 г. (притом исключительно в небоевых формах для «разгрузки» партнеров, прежде всего Франции), а на ливийском этого не произошло вовсе. Данное сопоставление позволяет прийти к выводу, что ключевые детерминанты линии ФРГ в отношении Сомали определялись не только и не столько вопросами обеспечения безопасности, но *геополитическими* мотивами. Более того, с точки зрения автора, их преобладание наблюдалось при выстраивании не только подхода Германии к решению «сомалийского вопроса», но стратегической линии ФРГ в Африке в целом.

Африканский Рог имеет исключительно выгодное геостратегическое и геоэкономическое положение, в т. ч. с точки зрения прохождения через Аденский залив международных торговых цепочек. Это обстоятельство, с учетом традиционного отстаивания ФРГ как экспортоориентированной страны принципа максимальной либерализации системы мировой торговли [Szabo 2016, pp. 4–10], определяло исключительную значимость Сомали в германском внешнеполитическом планировании. Иллюстрацией этого является сохранение участия Германии в проведении операции «Аталанта», причем в объемах, необходимых для контроля над безопасностью судоходства в Аденском заливе (менее 100 моряков и 1–2 надводных корабля) [Anzahl 2020]. Однако, как показал более чем четвертьвековой опыт (1992–2018 гг.), в собственном военном отношении Сомали оказалось непривлекательно для обеспечения долгосрочного присутствия ФРГ в Африке. Прежде всего, это обусловлено исключительной широтой острых противоречий в этой стране, находящейся в состоянии перманентного конфликта с 1988 г. (!).

Эволюция участия бундесвера в урегулировании вооруженного конфликта в Мали

Наземный военный «выход» из процесса урегулирования «сомалийского вопроса» был обусловлен еще одной причиной – успешным результатом длительного поиска точки приложения усилий бундесвера в Африке, позволяющих обеспечить его длительное легитимное присутствие на континенте. Этим характеристикам по состоянию на начало 2020-х гг. отвечало Мали.

На первом этапе (2013–2015 гг.) подключение ФРГ к решению «малийской проблемы» было практически «заурядным» в контексте использования германских войск в деле урегулирования вооруженных конфликтов в Африке. В ответ на официальную просьбу переходного правительства в Бамако, обращенную персонально к Франции и государствам – членам ЕС в целом, Пятая республика с 12 января 2013 г. начала боевую операцию «Сервал» с целью разгрома террористических группировок «Ансар ад-Дин» и «Аль-Каида в странах исламского Магриба», а также блокировавшихся с ними радикальных туарегов [Мезенцев 2014, с. 5–11]. Бундестаг уже 19 февраля 2013 г. одобрил направление бундесвера в состав двух небоевых миссий: AFISMA (под эгидой АС) с целью обеспечения логистической и медицинской поддержки французских войск, а также EUTM Mali (ЕС), задачей которой являлось обучение личного состава правительственной армии Мали. В мае-июне 2013 г. миссия AFISMA была трансформирована в MINUSMA (под эгидой ООН) с расширением спектра миротворческой деятельности.

Первоначально действия обоих контингентов были строго лимитированы со всех основных точек зрения – как с количественной («потолки» мис-

сий были установлены на уровне 150 и 180 военнослужащих), так и географической (германские военные действовали лишь в западной, относительной спокойной, части страны). Как видно из данных таблиц 1 и 2, пределы численности контингентов в составе мис-

сий существенно не изменялись до 2016 г.

Резкое увеличение предельной численности контингентов стало наблюдаться с 2015 г. (EUTM Mali) и особенно с 2016–2018 гг. (MINUSMA), причем в случае миссии ООН сопровождалось

Таблица 1. Динамика «потолка» численности контингента и объемов финансового участия ФРГ в деятельности миссии MINUSMA

Table 1. Dynamics of the High Water Marks in Number of Troops and the Volume of Financial Participation of Germany in the MINUSMA Mission

Мандат (дата и номер)	Предельная численность контингента	Период	Сумма финансирования (млн евро)
19.02.2013 (№ 17/12368) ⁴	150	01.07.2013–30.06.2014	46,3
05.06.2013 (№ 17/13754)	150	01.07.2014–30.06.2015	15,0
14.05.2014 (№ 18/1416)	150	01.07.2015–30.06.2016	5,8
03.06.2015 (№ 18/5053)	150	01.02.2016–31.07.2017	36,1 ⁵
06.01.2016 (№ 18/7206)	650	01.02.2016–31.01.2018	163,0
11.01.2017 (№ 18/10819)	1 000	01.05.2018–31.05.2019	268,6
07.03.2018 (№ 19/1098)	1 100	01.06.2019–31.05.2019	313,9
03.04.2019 (№ 19/8972)	1 100	Итого⁶	846,4

Таблица 2. Динамика «потолка» численности контингента и объемов финансового участия ФРГ в деятельности миссии EUTM Mali

Table 2. Dynamics of the High Water Marks in Number of Troops and the Volume of Financial Participation of Germany in EUTM Mali Mission

Мандат (дата и номер)	Предельная численность контингента	Период	Сумма финансирования (млн евро)
19.02.2013 (№ 17/12367)	180	01.03.2013–28.02.2014	13,5
05.02.2014 (№ 18/437)	250	01.03.2014–28.02.2015	17,2
28.01.2015 (№ 18/3836)	350	01.03.2015–31.06.2016	24,0
13.04.2016 (№ 18/8090)	300	01.06.2016–31.05.2017	20,8
22.03.2017 (№ 18/11628)	300	01.06.2017–31.05.2018	24,4
11.04.2018 (№ 19/1597)	350	01.06.2018–31.05.2019	36,5
03.04.2019 (№ 19/8971)	350	Итого	136,4

4 В данном мандате речь шла о контингенте бундесвера в составе AFISMA, которая в июне 2013 г. была реорганизована в MINUSMA.

5 В т. ч. 2,4 млн евро из ранее запланированных средств.

6 Без учета периода с 1 февраля по 30 апреля 2018 г.

расширением зоны оперирования бундесвера на северомалийские провинции (Гао, Кидаль и Томбукту) [Hanish 2015, pp. 1–2] и разрешением бундестага на использование военных непосредственно в наземных мероприятиях по поддержанию мира и порядка, а также активизации ведения разведки [Antrag... Drucksache 18/7206 2016, pp. 5–8] (прежде всего с применением беспилотной армейской авиации). Чем обусловлен данный рост? Прежде всего полномасштабным осознанием тех колоссальных рисков для безопасности ФРГ, которые таил в себе переход «малийской проблемы» в запущенное состояние на фоне миграционного кризиса в ЕС 2015–2016 гг., сопровождаемого резким увеличением террористической активности в странах – участницах объединения. Общим знаменателем этих угроз стало усиление международных террористических структур (прежде всего «Исламского государства» (ИГ)⁷) в Сирии и Ираке, стремившихся полностью уничтожить в них светскую власть и превратить в огромные «черные дыры» – «рассадники» угроз нестабильности с проецированием их на глобальный уровень. С точки зрения блокирования/распространения потоков неконтролируемой миграции (прежде всего беженцев, покидающих зоны боевых действий) и структур международного терроризма Мали занимает исключительно выгодное положение: это «ворота», ведущие из глубинных районов Африки в ее северную часть и далее, через Средиземное море, в пределы Европейского союза. На фоне обрушения государственности в Ливии (с 2011 г.) и укрепления «Боко Хорам» («Западной провинции ИГ») в Нигере Мали могло превратиться в несущую южную опору огромно-

го «коридора нестабильности». Его «запуск» поставил бы ЕС, уже испытывающий на себе давление угроз нестабильности из зоны сирийско-иракского конфликта, перед новыми и как минимум сопоставимыми по объему миграционным и террористическим вызовами, исходящими уже из Африки. Допустить развития подобного сценария истощения ФРГ, особенно на фоне ослабления электоральной поддержки, не мог, что и привело к отмеченному наращиванию объемов военного присутствия: после 2016 г. новое увеличение, как видно из таблиц 1 и 2, произошло в 2018–2019 гг. Это стало производной потери блоком ХДС/ХСС и СДПГ части мест в бундестаге в пользу оппозиции (прежде всего АдГ), потребовав от нового кабинета «большой коалиции» внятных для электората ответов на миграционные и террористические вызовы. Учитывая, что по состоянию на начало 2020-х гг. официальный Берлин рассматривал свои усилия по обеспечению мира и безопасности в Мали в качестве осевой составляющей усилий Германии в урегулировании проблем Сахельского региона и Африки в целом [Antrag 2019, pp. 1–2], уместно утверждать о начавшемся преобладании *мотивов обеспечения безопасности* над геополитическими в политико-военной стратегии ФРГ в отношении всего континента.

Каковы особенности и промежуточные результаты приложения военных усилий Германии в Мали? Они представляют собой двухкомпонентный подход: обучение частей малийской армии (в лагерях на юге и в центре страны – прежде всего «Геко» у г. Куликоро, что расположен в 55 км от Бамако) и совместное проведение вместе с ними мер по обеспечению мира и по-

7 Запрещенная в России террористическая организация.

рядка, в основном в северомалийских провинциях. Центром сосредоточения германского континента здесь являлась международная военная база «Лагерь Кастро».

Предоставляя до 50% от общей численности персонала миссии EUTM Mali, ФРГ де-факто играла роль «рамочной нации» в ее деятельности. С конца 2014 г. стали приниматься на 16-месячные курсы по обучению войска малийской армии «волнами» по 4–5 батальонов в каждой. Первая фаза – это реформирование части с целью увеличения в ней количества «активных штыков». После этого начинались параллельные собственно военные мероприятия: индивидуальная подготовка, тренировки в составе мелких подразделений и проведение двусторонних батальонных учений как завершение «сколачивания» части, а также политические занятия. Последние были направлены на привитие военным кода приверженности демократическим ценностям и институтам. К 2016 г. стала очевидна количественная нехватка сил у правительственных войск Мали, прежде всего при проведении операций в северных провинциях. Рост численности армии официального Бамако стал сопровождаться и увеличением масштабов деятельности EUTM Mali, в т. ч. количества германских инструкторов: с 2016 г. на обучение и переподготовку стали приниматься «волны» уже по 8 батальонов [Antrag... Drucksache 18/8090 2016, pp. 4–8].

При общей численности MINUSMA более чем 15 тыс. человек, в т. ч. свыше 11 тыс. военнослужащих [Tull 2019, p. 1], удельный вес германского контингента в людском выражении составлял не более 7%, что можно рассчитать из данных таблицы 1. Однако значительную часть сил миссии ООН составляли достаточно плохо технически оснащенные контингенты стран – участниц

Африканского союза. В этой связи помимо выделения 2–4 ротных тактических групп механизированной пехоты для обеспечения мониторинга к 2018 г. ФРГ приняла на себя роль «рамочной нации» при осуществлении воздушной тактической разведки, для чего в Гао была сосредоточена группировка беспилотников типа LUNA (в т. ч. в модернизированной версии (2018 г.)), а также привлекалась спутниковая группировка ФРГ. Параллельно Германия стала «рамочной нацией» в вопросах логистического функционирования и охраны «Лагеря Кастро» в Гао. Особое внимание официальный Берлин обращал на участие германских военных (с предельным использованием возможностей контингента) в обеспечении безопасности населения во время проведения муниципальных выборов на севере Мали в ноябре 2017 г., а также президентских выборов 29 июля и 12 августа 2018 г., тем самым способствуя укреплению демократии в этом африканском государстве [Antrag 2019, pp. 7–12]. Успешное проведение мероприятий электорального цикла в провинциях Гао, Кидаль и Томбукту, с одной стороны, должно было легитимизировать вновь избранные малийские власти, с другой – быть свидетельством «замирения» северомалийских земель, населенных преимущественно туарегами.

Однако означает ли это достижение невозврата в урегулировании вооруженного конфликта? Нет, что вынуждены признать сами германские власти. Задача полного разгрома «Ансар ад-Дина» и «Аль-Каиды в странах исламского Магриба», в т. ч. недопущения перегруппировки их сил и средств, далека от решения; более того, стало наблюдаться их сращивание с криминальными структурами, в т. ч. в считавшихся дотоле спокойными центральных районах Мали. Иллюстрация тому – ракет-

ный обстрел лагеря «Геко» 24 февраля 2019 г., показавший хрупкость успехов в деле урегулирования. Существенные вопросы вызывает и степень боеспособности правительственной малийской армии, не демонстрирующей возможности самостоятельно обеспечить порядок на севере Мали [Сидоров 2018, с. 124–126]. Существенной проблемой является и в целом нейтрально-скептическое отношение жителей этой африканской страны к иностранному военному присутствию – особенно MINUSMA [Tull 2019, pp. 2–3].

Совместное прочтение формулы G5 Sahel: встраивание ФРГ в традиционную зону влияния Франции в Африке

Мали, как в целом Сахельский регион, а также Алжир и Тунис, относится к традиционной зоне интересов Франции в Африке. Исторически территории будущих стран «Сахельской пятерки» образовывали основной массив земель французской Западной Африки. Официальный Париж сохранил с этими государствами разносторонние связи и, в случае необходимости, готов принимать на себя роль внешнего военного стабилизатора обстановки, особенно в случае угрозы стремительной деградации вертикали власти. Со всей отчетливостью это продемонстрировало проведение операций «Сервал» (12 января 2013 г. – июль 2014 г.) и «Бархан», сменившей ее. Следует подчеркнуть, что первая («Сервал»), будучи исключительно боевой, проводилась лишь на территории Мали, вторая же имела как силовую, так и значительную небоювую компоненты и, что не менее важно, большую продолжительность и зону проведения – в случае «Бархана» она распространялась на все страны «Сахельской пятерки» [Чернега 2018, с. 110–112].

С момента подключения к решению «малийского вопроса» Германия самым тесным образом координировала свои действия с Пятой республикой. Начатое применение бундесвера в рамках миссий EUTM Mali и AFISMA/MINUSMA де-факто решало задачи по «разгрузке» французских войск, непосредственно ведущих боевые действия в рамках операции «Сервал». Та неизменно активная роль, которую Германия продолжила играть в деятельности EUTM Mali с середины 2010-х гг., и, главное, существенное количественное и качественное увеличение вклада ФРГ в деятельность MINUSMA с 2016–2019 гг. следует рассматривать в качестве мер поддержки Франции при проведении операции «Бархан». И вновь, формально не приняв в ней участия (как в «Сервале»), Германия взяла на себя функции по «разгрузке» французских войск, но уже в существенно большем объеме, чем в 2013–2015 гг.

В тесной связи с координацией военных усилий находилось и общеполитическое сотрудничество германо-французского тандема по урегулированию вооруженного конфликта в Мали. Здесь следует обратить особое внимание на «эффект переплескивания» в действиях ФРГ: добившись относительно эффективного использования политико-военного инструментария на территории одной страны (или в пределах крупной акватории), официальный Берлин использовал это как основу для военно-стратегического проникновения в сопредельные или как минимум расположенные в том же регионе государства.

Возникает логичный вопрос: были ли попытки применения «эффекта переплескивания» в африканской стратегии ФРГ до малийского кейса? Уже в зоне Африканского Рога Германия пыталась реализовать эту схему: в 1992–1994 гг., развернув группировку в Со-

мали, она использовала базы в Кении и Джибути [The Bundeswehr on Operations 2009, p. 53]; запуск наземных операций в Сомали в 2010–2012 гг. стал результирующей операцией борьбы с пиратством в Аденском заливе. Наконец, участие Германии в мониторинге ситуации в зоне вооруженных конфликтов между Эфиопией и Эритреей, Суданом и Южным Суданом, в провинции Дарфур географически тесно связано с последующей активизацией усилий ФРГ на сомалийском направлении в 2010-е гг. Однако на нем Германии не удалось в целом обеспечить «эффект переплескивания».

Иной результат сложился в случае Мали: наращивание усилий ФРГ по

урегулированию вооруженного конфликта сопровождалось укреплением позиций как в странах «Сахельской пятерки», так и в Алжире.

Алжир уже в 2014–2015 гг. был избран местом проведения переговоров между представителями официального Бамако и действительно умеренных туарегов, а ключевую роль в организации, координации и развитии данных переговоров де-факто играл именно германо-французский тандем⁸. Это придало мощный импульс отношениям Алжира и Германии, что, в частности, нашло отражение в исключительно динамичном росте военно-технического сотрудничества. Если во второй половине 2000-х гг. объем военного экс-

Таблица 3. Динамика военного экспорта ФРГ в Алжир в 2010-е гг.

Table 3. Dynamics of German Military Exports to Algeria in the 2010s

Год	Объем (в евро)	Число сделок	Место Алжира среди топ-20 государств-импортеров германских ВВТ	Основные статьи экспорта
2011 г.	217,4 млн	8	8	БТР, комплектующие для бронированной техники
2012 г.	286,7 млн	20	3	Фуры со спецзащитой, комплектующие для наземной техники
2013 г.	825,7 млн	37	1	Грузовики, фуры, комплектующие для наземной техники, в т. ч. бронированной
2014 г.	163,7 млн	22	7	Грузовики и запчасти к ним
2015 г.	411,4 млн	29	6	Грузовики и запчасти к ним
2016 г.	1 418,1 млн	41	1	Фрегаты и комплектующие к ним, грузовики и запчасти к ним, торпеды
2017 г.	1 358,8 млн	28	1	Фрегаты и комплектующие к ним, бортовые вертолеты, грузовики и запчасти к ним, торпеды
2018 г.	818,1 млн	29	1	Грузовики, БТР (без пушек), запчасти для бронированной техники

Составлено автором на основе: Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre ... (Rüstungsexportbericht ...). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie (2011–2018 rr.).

8 Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmision der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2016) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7206, 06.2016, pp. 5–7.

порта ФРГ в Алжир составлял от 0,5 до 20,0 млн евро ежегодно, то в 2010-е гг. эти показатели резко изменились (см. таблицу 3).

Начавшийся в 2011 г. рост военно-технического сотрудничества иллюстрировал наличие значительного числа точек соприкосновения между Германией и Алжиром в условиях «Арабского пробуждения» и последующего возникновения мощных очагов нестабильности вблизи границ данного африканского государства – в Ливии, Нигере и Мали. Как видно из таблицы 3, алжирская сторона использовала закупаемую германскую военную продукцию для повышения мобильности своих сухопутных войск (включая силы специальных операций), а с 2016 г. – и флота. Они играли ключевую роль в обеспечении неприкосновенности протяженных границ страны на востоке, юге и юго-западе от пытавшихся их перейти групп вооруженных исламистов. Очевидна заинтересованность официального Алжира в подключении ФРГ к урегулированию вооруженного конфликта в Мали, а также намечающейся тенденции участия в стабилизации обстановки в Нигере и Ливии. Для официального Алжира было весьма почетно выступать площадкой для восстановления межмалийского диалога.

Однако следует подчеркнуть и обратную сторону вопроса: сложно было в принципе подыскать иную территорию для инициирования переговорного процесса. Тем более что германо-французский тандем был крайне заинтересован в Алжире как одном из неофициальных гарантов договоренностей, выработанных в мае-июне 2015 г. между официальным Бамако и туарегами.

В этой связи следует подчеркнуть, что Германия была как минимум в сопоставимой степени заинтересована в глубоко продвинутом сотрудничестве

с Алжиром, чем он с ней. Сохранение внутренней стабильности в этой стране вкупе с сохранением ее потенциала обеспечивает для Германии (и Франции) наличие мощного бастиона стабильности, лимитирующего укрепление структур международного терроризма в Западной и Северной Африке. Успехи германского контингента в составе MINUSMA, особенно в населенных преимущественно туарегами провинциях Томбукту и Кидаль на севере, во многом зависят от эффективного сотрудничества с алжирскими войсками. Показательно, что в 2018–2019 гг. террористические группировки, сражаясь с криминальными структурами, в основном осуществляют попытки перегруппировки уже в центре Мали, а также районах, прилегающих к Нигеру [Tull 2019, pp. 2–3], но уже не Алжиру, как это было еще в середине 2010-х гг.

Параллельно Германия, опираясь на поддержку Франции, развивала и двусторонние отношения в политико-военной области со странами «Сахельской пятерки». С одной стороны, диалог с Мали в абсолютном выражении продолжал составлять значительную величину (см. таблицы 1 и 2). С другой стороны, удельный вес данного двустороннего вектора в общей системе взаимоотношений ФРГ со странами G5 Sahel стал постепенно уменьшаться, что свидетельствовало об их диверсификации. 21 февраля 2019 г. А. Меркель провела в Берлине переговоры с президентом Буркина-Фасо Р. Каборе, в ходе которых была обозначена подготовка специального визита А. Меркель в регион Сахеля [Gute Partnerschaft 2019]. Показательно, что именно с Буркина-Фасо началось «сахельское турне» канцлера в начале мая 2019 г. В Уагадугу она провела продолжительные переговоры с президентом Р. Каборе, в частности, декларировав ассигнование 10 млн евро на обучение и оснащение полиции

страны [Kanzlerin Merkel 2019]. Вслед за этим А. Меркель отправилась в Мали – однако не в столицу (Бамако), а в Гао, посетив военную базу «Лагерь Кастро», на которой была дислоцирована наиболее крупная часть контингента бундесвера не только в Мали, но и в Африке в целом. Наконец, завершающей частью поездки стали переговоры в г. Ниамей – столице Нигера – с президентом страны М. Иссуфу, что также подчеркнуло готовность ФРГ расширять техническое (направление специалистов) и финансовое участие в модернизации сил безопасности этой африканской страны [Pressekonferenz 2019]. Причем предшествующая встреча канцлера с И. Иссуфу (которую также уместно рассматривать в качестве подготовки «сахельского турне» А. Меркель) состоялась в Берлине 16 августа 2018 г., т. е. всего за 8 месяцев до этого. Переговорами в Ниамее А. Меркель завершила поездку в Сахель в мае 2019 г. [Kanzlerin Merkel 2019]. Соответственно, в ее ходе глава правительства ФРГ не посетила две страны «пятерки» – Мавританию и Чад.

О чем свидетельствует схема организации «сахельского турне» в начале мая 2019 г.? Оно было организовано вскоре после пролонгации бундестагом обоих мандатов бундесвера – в рамках EUTM Mali и MINUSMA (без изменения «высоких потолков» – 350 и 1 100 военнослужащих), что являлось отчетливым свидетельством стремления ФРГ сохранить свое военное присутствие в регионе как минимум на ближне- и среднесрочную перспективу. Само по себе турне подвело промежуточный итог политико-военной линии Германии в отношении G5 Sahel.

Во-первых, А. Меркель опосредованно высказала неудовлетворенность действиями руководства Мали во главе с президентом И.-Б. Кейтой по урегулированию конфликта в его стране. При-

быв в расположение контингента на базе в Гао, т. е. на населенном туарегами севере страны, канцлер акцентировала внимание на недостаточных темпах их реальной интеграции в малийское государство (т. е. осуществление процесса его федерализации) и тесно связанным с этим медленным прогрессом обеспечения мира и безопасности в этой огромной части Мали. В обоих случаях значительная часть вины лежит на малийском руководстве во главе с И.-Б. Кейтой, недостаточно энергично передающим ряд властных компетенций на местный уровень (в соответствии с договоренностями 15 мая и 20 июня 2015 г.), а также использующим неграмотно реорганизованные и обученные миссией EUTM Mali батальонные тактические группы (БТГ). Не наблюдается не только их массированного применения, но даже целенового применения – вследствие политических причин (опасения заговоров военных) БТГ разделяются на небольшие (от взвода до усиленной роты) подразделения [Сидоров 2018, с. 123–124], что резко снижает эффективность их применения, а следовательно, и результативность поддержки сил MINUSMA. В свою очередь, посетив Гао, А. Меркель посылала туарегам два отчетливых «сигнала»: о приверженности ФРГ букве и духу межмалийских договоренностей (2015 г.) и сохранении готовности Германии участвовать в обеспечении мира и безопасности в провинциях с преимущественно туарегским населением.

Во-вторых, возрастает значение Буркина-Фасо (и в меньшей степени Нигера) во внешнеполитических планировании и деятельности ФРГ. Отчасти этот фактор используется германской стороной для стимулирования официального Бамако к проявлению большей активности в обеспечении мира и безопасности на территории

собственной страны. Соответственно, это асимметричный ответ на призывы руководства Мали арифметически усиливать помощь стране (без оценки степени изменения эффективности ее использования) под тем предлогом, что проблема укрепления радикальных сил в Сахеле крайне опасна для международного сообщества, в т. ч. стран – участниц ЕС. Диверсифицируя контакты со странами G5 Sahel, Германия посылает официально Бамако «сигнал», что может продолжать противодействовать угрозам нестабильности из региона, перефокусировав внимание на других игроках – Буркина-Фасо и Нигер, где внутренняя ситуация далека от стабильной.

Показательно в этой связи, что именно Р. Каборе, а не И.-Б. Кейта – единственный из глав государств G5 Sahel – был приглашен по инициативе германо-французского тандема на саммит «Большой семерки» в Биаррице (24–26 августа 2019 г.).

В-третьих, углубление контактов с Нигером крайне важно для ФРГ и с учетом фактора существенной деградации ее двусторонних отношений с США при Д. Трампе, особенно в области обеспечения обороны и безопасности. На территории Нигера Соединенные Штаты Америки ведут «свою» борьбу с «Боко-Хорам»: местная «война Обамы» без каких-либо разногласий в истеблишменте США стала «войной Трампа». Следует подчеркнуть два обстоятельства: боевые действия войск США достаточно слабо скоординированы с усилиями германо-французского тандема в Мали и G5 Sahel в целом; при этом руководство группировкой Соединенных Штатов осуществляется военно-стратегическим командованием AFRICOM, дислоцированным на территории ФРГ (Штутгарт, федеральная земля Баден-Вюртемберг). При этом 45-й президент США неодно-

кратно заявлял о своем намерении сократить «избыточное» военное присутствие в Германии (в реальности наблюдается обратная тенденция), используя это как крайне неэффективный «кнут» для давления на официальный Берлин с целью увеличить его военные расходы. С учетом этих обстоятельств следует признать, что германо-нигерское сотрудничество являло собой одну из контрмер по сдерживанию трампиистского стратегического наступления на ФРГ. Особо чувствительным следует признать использование германской стороной с 2018 г. столичного аэродрома (в г. Ниамей) в интересах логистической поддержки континента бундесвера в составе сил MINUSMA [Antrag 2019, pp. 8–12].

В случае Мавритании и Чада следует признать ограниченность объемов двустороннего сотрудничества с ФРГ в политико-военной области по состоянию на начало 2020-х гг.: так, Германия не приняла сколько-нибудь заметного участия в миротворческой операции EUFOR TCHAD/RCA (Чад/ЦАР) в 2007–2009 гг.

В военном плане, как и общеполитическом, Германия пока сконцентрирована на углублении сотрудничества с «треугольником» Буркина-Фасо – Мали – Нигер. Именно он составляет центральный сектор выстраиваемой при поддержке Франции коллективной системы обороны группы G5 Sahel: ее западный сектор составляет «связка» Мали – Мавритания, а восточный – Нигер – Чад [Сидоров 2018, с. 126–127]. В рамках отмеченного «треугольника» ФРГ налаживает организацию функциональной (осуществление авиа- и космической разведки; обучение, особенно если речь идет о войсковых частях, равно как и консультирование, – применительно к штабным структурам), технической (поставки легкого стрелкового оружия, боепри-

пасов, амуниции) и финансовой помощи. Часть конкретных планов в данном отношении была озвучена А. Меркель в ходе «сахельского турне» в начале мая 2019 г. [Kanzlerin Merkel 2019]. Потенциально – уже в среднесрочной перспективе – Германия может начать оказывать военную помощь и на двух других (западном и восточном) секторах системы коллективной обороны G5 Sahel. Основу для этого создало направление групп германских офицеров в состав генеральных штабов стран региона, т. е. «умное встраивание» в их системы военной подготовки и планирования [Antrag 2019, pp. 8–12].

В контексте отмеченной концентрации усилий Германии именно в традиционной французской зоне влияния в Африке возникает вопрос об отношении официального Парижа к данной тенденции. В целом оно является весьма положительным: Франция последовательно сотрудничала с ФРГ в рамках деятельности миссий AFISMA (как механизма поддержки операции «Сервал»), MINUSMA (координирующей свои усилия с французскими войсками, проводящими операцию «Бархан»), EUTM Mali. Симптоматично, что Э. Макрон, начиная с 2017 г. просил официальный Берлин нарастить объемы своего присутствия в Мали [Macron fordert 2017]. Чем обусловлена данная позиция Франции? Прежде всего острой нехваткой силы для поддержания стабильной обстановки в традиционной зоне влияния в Африке, в т. ч. военных ресурсов. Так, для проведения операции «Сервал» было выделено всего 4 тыс. ударных войск [Мезенцев 2014, с. 6–10], для осуществления операции «Бархан» также было выделено 4 тыс. военнослужащих, однако это были в основном силы, предназначенные для оперирования в зонах средней (пониженной), а не высокой интенсивности (см. [Сидоров 2018; Черне-

га 2018; Macron fordert 2017]). Очевидно, что этого количества военных сил (эквивалентных одной бригаде) было недостаточно для обеспечения мира и безопасности даже в Мали, не говоря уже о странах G5 Sahel в целом. Соответственно, Франция заинтересована в получении поддержки, в т. ч. со стороны бундесвера, от Германии, для уже совместного упрочения позиций в Западной (и Северной) Африке, де-юре представляя это прежде всего как сотрудничество в рамках двустороннего тандема. При этом, с одной стороны, в этом взаимодействии есть ряд проблемных узлов – прежде всего последовательная неготовность ФРГ идти на собственное силовое (боевое) применение своих войск, в чем остро заинтересована Франция, стремящаяся не допустить перегруппировки сил террористов в Мали. С другой стороны, растущее укрепление позиций Германии в Западной и Северной Африке не может не вызывать обеспокоенности (пока в основном латентной) Франции в смысле утраты части ее влияния в пользу ФРГ с превращением ее в «старшего партнера» на африканском направлении.

На втором этапе (с 2016 г.) участия ФРГ в урегулировании вооруженного конфликта стали вырисовываться контуры меняющейся политико-военной стратегии Германии на африканском направлении. В ее основе лежит готовность к масштабному (не менее 1–1,5 тыс. военнослужащих), многотрековому наземному (с фокусом на обучение и консультирование, а также участие непосредственно в обеспечении мира и порядка «в поле») и длительному использованию бундесвера. ФРГ апробирует схему встраивания в качестве значимого внешнего игрока в вопросах обеспечения безопасности в региональные подсистемы Запад-

ной Африки (через Мали, а с 2018 г. также Буркина-Фасо и Нигер) и Северной Африки (через Алжир). Как минимум на среднесрочную перспективу диалоги именно с этими государствами станут основными драйверами увеличения объемов двустороннего сотрудничества Германии со странами Африки в политико-военной плоскости.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что новая стратегия де-факто была апробирована лишь в зоне традиционного влияния Франции на континенте, и вопрос о ее эффективности остается открытым. Частный ответ на него может дать анализ активности и результативности усилий ФРГ по урегулированию «ливийского вопроса». Это тем более значимо, что с учетом лимитирования (на Ближнем Востоке) и резкого сужения (в Центральной Азии) возможностей Германии по использованию своего политико-военного потенциала роль Африки в этой связи будет возрастать.

Список литературы

- Мезенцев С.В. (2014) Внутренние и международно-политические аспекты кризиса в Мали и французская операция «Сервал» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. № 1. С. 3–28 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22026725_69912240.pdf, дата обращения 22.06.2020.
- Сидоров А.С. (2018) Франция в Сахеле: текущие проблемы и возможное развитие военного конфликта // Актуальные проблемы Европы. № 4. С. 116–137 // <https://cyberleninka.ru/article/n/frantsiya-v-sahele-tekuschie-problemy-i-vozmozhnoe-razvitie-voennogo-konflikta/viewer>, дата обращения 22.06.2020.
- Чернега В.Н. (2018) Франция и вооруженные конфликты в Африке // Актуальные проблемы Европы. № 4. С. 103–115 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36285842_63159768.pdf, дата обращения 22.06.2020.
- Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr (2020) // Statista, January 13, 2020 // <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/>, дата обращения 9.03.2020.
- Antrag der Bundesregierung. Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Operation Atalanta zur Bekämpfung der Piraterie vor der Küste Somalias (2008) // Deutscher Bundestag, 16. Wahlperiode. Drucksache 16/11337, 10.12.
- Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union als Beitrag zur Ausbildung der malischen Streitkräfte (EUTM Mali) (2016) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/8090, 13.04.
- Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2016) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7206, 06.01.
- Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2019) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.
- Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Ausbildungs- und Beratungsmission EUTM Somalia (2016) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7556, 17.02.
- Gute Partnerschaft weiter ausbauen (2019) // Informationsamt der Bundesregierung, February 21, 2019 //

<https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/gute-partnerschaft-weiter-ausbauen-1582800>, дата обращения 9.03.2020.

Hanish M. (2015) A New Quality of Engagement Germany's Extended Military Operation in Northern Mali // Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Security Policy Working Paper. No. 8, pp. 1–5.

Kanzlerin Merkel in Westafrika (2019) // Bundesregierung, May 2, 2019 // <https://www.bundesregierung/breg-de/mediathek/kanzlerin-merkel-in-westafrika-1604684>, дата обращения 9.03.2020.

Macron fordert von Deutschlands stärkeres Engagement in Mali (2017) // Zeit Online, May 20, 2017 // <https://www.zeit.de/politik/ausland/2017-05/militaereinsatz-frankreich-emmanuel-macron-mali-deutschland-europa>, дата обращения 9.03.2020.

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Präsidenten von Niger Issoufou (2019) // Bundesregierung, May 3, 2019 // <https://www.bundesregierung/breg-de/aktuelles/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-praesidenten-von-niger-issoufou-1605308>, дата обращения 9.03.2020.

Szabo St.F. (2016) Germany, Russia and the Rise of Geo-economics, London: Bloombury.

The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad (2009), Berlin: Federal Ministry of Defense.

Tull D.M. (2019) UN Peacekeeping in Mali // SWP Comment. No. 23 // https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2019C23_tll.pdf, дата обращения 22.06.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-11

The Role of G5 Sahel States in German Political-Military Strategy in Africa

Philipp O. TRUNOV

PhD in Politics, Senior Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117997, Kryzhanovskogo St., 15, bldg. 2, Moscow, Russian Federation

E-mail: 1trunov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7092-4864

CITATION: Trunov Ph.O. (2020) The Role of G5 Sahel States in German Political-Military Strategy in Africa. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 3, pp. 196–213 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-11

Received: 16.03.2020.

ABSTRACT. *The article raises the question of whether German participation in resolving the armed conflict in Mali is a special case or, on the contrary, is a transition to a new political-military strategy in Africa. In this regard the author issues the key parameters of Bundeswehr's usage in Africa from 1990-s until the middle 2010-s and pays special attention to Somalia. The paper analyzes the features of German military presence evolution there. In comparison with Somalian one the author explores German approach to the resolution of the Malian armed conflict at the period of 2013-2015 and since 2016. The paper pays attention to the Bundeswehr's usage in EUTM Mali and MINUSMA missions and the results of this process. The article underlines the huge increase of German military presence since 2016-2018 in Mali and shows the reasons of this tendency. Considering German activity in Mali, the paper explores its «spillover effect» with the examples of German relations with Algeria and G5 Sahel countries. In this regard the scientific research pays special attention to German bilateral relations with Burkina-Faso and Niger. The paper under-*

lines that by the beginning of the 2020-s FRG concentrated its efforts in the African states which belong to traditional sphere of French interests. In the conclusion the author shows the importance of Sahel region for the testing of new German political-military strategy in Africa.

KEY WORDS: *Germany, security, Africa, Mali, Sahel, Burkina-Faso, Niger, Algeria*

References

Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr (2020). *Statista*, January 13, 2020. Available at: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/>, accessed 9.03.2020.

Antrag der Bundesregierung. Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Operation Atalanta zur Bekämpfung der Piraterie vor der Küste Somalias (2008). *Deutscher Bundestag*, 16. Wahlperiode. Drucksache 16/11337, 10.12.

